

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

СЛИШКОМ
МНОГО
КЛИЕНТОВ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Тодхантер Стаут
СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»
Серия «Ниро Вульф и Арчи Гудвин»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67852926
Слишком много клиентов: Амттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21584-9

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

«Дождавшись, когда мужчина устроится в красном кожаном кресле, я прошел к своему письменному столу, развернулся лицом к посетителю и обратил на него приветливый, но не слишком восторженный взгляд. Отсутствие энтузиазма отчасти объяснялось плохо сшитым костюмом за 39,95 доллара, который явно не мешало бы погладить, и несвежей рубашкой за 3 доллара, хотя дело было не только в дешевой одежде. Нет, с вытянутым

худым лицом и высоким лбом мужчины все было нормально, однако он явно не тянул на человека, способного значительно поправить банковский баланс Ниро Вулфа...»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Рекс Стаут

СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ

Rex Stout

TOO MANY CLIENTS

Copyright © 1960 by Rex Stout

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Дождавшись, когда мужчина устроится в красном кожаном кресле, я прошел к своему письменному столу, развернулся лицом к посетителю и обратил на него приветливый, но не слишком восторженный взгляд. Отсутствие энтузиазма отчасти объяснялось плохо сшитым костюмом за 39,95 доллара, который явно не мешало бы погладить, и несвежей рубашкой за 3 доллара, хотя дело было не только в дешевой одежде. Нет, с вытянутым худым лицом и высоким лбом мужчины все было нормально, однако он явно не тянул на человека, способного значительно поправить банковский баланс Ниро Вулфа.

А в тот понедельник в начале мая, если вычесть сумму заполненных чеков, которые я отдал на подпись Ниро Вулфу, остаток на нашем счете составлял 14 194 доллара 62 цента. Что выглядело вполне достойно, если бы не одно «но». Если взять еженедельную зарплату Теодора Хорстмана, смотрителя орхидей; Фрица Бреннера, повара и домоправителя; мою, универсального специалиста; счета за продукты питания, включая такие позиции, как свежая икра, которую Вулф иногда смешивал на завтрак с печеными яйцами, и за подкормку для орхидей в оранжерее на крыше старого особняка из бурого песчаника, не говоря уже о новых экземплярах для пополнения коллекции, а также всего прочего, на содер-

жание нашего хозяйства в месяц уходило более пяти штук. А еще через пять недель, к пятнадцатому июня, подоспеет уплата налогов. Итак, если нам не будет светить приличный гонорар, то еще до четвертого июля мне, похоже, придется заглянуть в сейфовую ячейку с заначкой.

Поэтому, услышав звонок в дверь и увидев через одностороннее стекло стоящего на крыльце незнакомого мужчину без чемоданчика с образцами в руках, я распахнул дверь и обратил на посетителя сердечный взгляд.

– Это ведь дом Ниро Вулфа? – спросил он.

Я ответил утвердительно, но сообщил, что мистер Вулф сейчас занят.

– Да, я знаю, что с четырех до шести дня он наверху в оранжерее, – сказал он. – Мне нужен Арчи Гудвин. Вы мистер Гудвин?

Признавшись, что я действительно мистер Гудвин, я заинтересовался, что его ко мне привело. Оказывается, ему нужен был мой профессиональный совет. К этому времени я уже успел оценить внешний вид посетителя и нашел его не слишком многообещающим. Впрочем, мне было без разницы, как убивать время: с ним или в одиночестве, и я провел гостя в кабинет. Кстати, еще одной вещью, свидетельствовавшей не в его пользу, было отсутствие шляпы. Девяносто восемь процентов мужчин, способных выплачивать солидные гонорары, носят шляпы.

Откинувшись на спинку красного кожаного кресла и

устремив на меня взгляд умных серых глаз, посетитель сказал:

– Мне, естественно, нужно представиться.

– Если только это имеет отношение к делу.

– Имеет. – Он положил ногу на ногу; верх туфель лишь немного не прикрывал край коротких носков, серых в красную крапинку. – В противном случае мне не было бы нужды сюда приходить. Однако я хотел бы проконсультироваться при условии строжайшей конфиденциальности.

– Само собой, – кивнул я. – Но это кабинет Ниро Вулфа. А я работаю на него. Если вы получите счет, то подписан он будет именно Ниро Вулфом.

– Знаю. – (Похоже, не стоило говорить столь тривиальные вещи человеку с умными серыми глазами.) – Я понимаю, что мне выпишут счет, и собираюсь его оплатить.

– Конечно. Если только ваша совесть не обременена чем-то слишком отягощающим. Типа убийства или государственной измены.

Он улыбнулся:

– Грехи лишь говорят, убийство вопиет. Предательство не принесет награды. Моя совесть не обременена ни тем ни другим. Ни одно из моих преступлений не карается законом. Итак, мистер Гудвин, скажу вам сугубо конфиденциально, что моя фамилия Йегер. Томас Г. Йегер. Возможно, вы уже слышали эту фамилию, хотя я отнюдь не знаменитость. Я живу на Восточной Шестьдесят восьмой улице, дом

триста сорок. Я исполнительный вице-президент корпорации «Континентал пластик продактс». Офис располагается в Эмпайр-стейт-билдинг.

Но я даже глазом не моргнул. «Континентал пластик продактс» может быть гигантом, занимающим три этажа, а может быть крошечной фирмочкой, разместившейся в двух комнатах, с единственным телефонным аппаратом на столе вице-президента. В любом случае я знал этот дом на Восточной Шестьдесят восьмой улице, и дом отнюдь не был трущобой. Этот субъект мог носить костюм за 39 долларов 95 центов, потому что ему было глубоко наплевать и он мог позволить себе такую прихоть. Я знаю одного председателя совета директоров корпорации стоимостью миллиард долларов, входящей в два процента крупнейших корпораций Америки, который никогда не чистит туфли и бреется три раза в неделю.

Итак, я достал блокнот и начал записывать. Тем временем Йегер продолжил:

– Номера моего телефона нет в телефонной книге. Числом пять, три-два-три-два. Я специально пришел в отсутствие Вулфа, чтобы увидеться лично с вами. Не вижу смысла все ему объяснять, ведь он в любом случае перепоручит дело вам. Похоже, за мной следят, и мне необходимо в этом удостовериться. А если все именно так, то я хочу выяснить, кто этим занимается.

– Задача для детского сада. – Я швырнул блокнот на

стол. – Любое приличное сыскное агентство с удовольствием возьмется за это всего за десять долларов в час. У мистера Вулфа иной подход к вопросам оплаты.

– Я в курсе. Но для меня это не важно, – отмахнулся Йегер. – Но жизненно важно выяснить, установлена ли за мной слежка, причем как можно быстрее. В частности, кто именно этим занимается. Интересно, в каком агентстве, где берут десять долларов в час, я найду такого профессионала, как вы?

– Не в этом дело. Даже если я и не настолько хорош, как мне кажется, растрачивать силы на обнаружение за вами хвоста было бы глупо. А что, если за вами вообще нет никакого хвоста? И как долго придется его выявлять, чтобы вас убедить? Скажем, десять дней, по двенадцать часов в день, за сто долларов в час? Двенадцать штук плюс накладные расходы.

– Это не займет десяти дней. – Он поднял голову. – Уверен, что нет. И конечно не двенадцать часов в день. Мистер Гудвин, позвольте все объяснить. Полагаю, за мной следят лишь в определенное время. Или будут следить. В частности, как мне кажется, за мной будут следить, когда сегодня в семь вечера я выйду из дому и через парк отправлюсь по некоему адресу на Восемьдесят второй улице. Западная Восемьдесят вторая улица, дом сто пятьдесят шесть. Возможно, оптимальный вариант, чтобы к этому времени вы находились возле моего дома. Но решать, естественно, вам. Я не

хочу, чтобы за мной увязался хвост до Восемьдесят второй улицы. Не хочу, чтобы установили, что я имею какое-то отношение к этому адресу. Если за мной не следят, то мы на этом же и закончим. И я обращусь к вам лишь тогда, когда вновь соберусь туда отправиться.

– А когда это будет?

– Не могу сказать ничего определенного. Возможно, в конце этой недели. Возможно, на следующей. Я извещу вас за день до того.

– А как вы туда поедете? На своей машине или на такси?

– На такси.

– Что для вас более важно: установить наличие слежки, избавиться от хвоста, если он есть, или выяснить личность того, кто за вами следит?

– Все одинаково важно.

– Что ж... – Я задумчиво пожевал губами. – Не скрою, задание несколько специфическое. Мы говорили о ста долларах в час. Но это стоимость рутинной работы. Ботинок должен быть впору. И примерку по вашей ноге будет осуществлять мистер Вулф.

– Ну как раз с этим проблем не будет, – улыбнулся Йегер. – Итак, жду вас около семи вечера. А может, чуть раньше.

– Возможно. – Я снова взял блокнот. – За вами будет следить кто-то, кого вы знаете?

– Не уверен. Но не исключено.

– Мужчина или женщина?

– Не могу точно сказать. Не знаю.

– Сыщик или любитель?

– Без понятия. Возможно, и то и другое.

– Засечь его будет просто. Но что дальше? Если это сыщик, вероятно, я его идентифицирую. Что не слишком поможет делу. Конечно, в любом случае я сумею его вычислить, однако мне вряд ли удастся выведать у него имя заказчика.

– Но вы ведь сможете его вычислить?

– Безусловно. Сколько вы готовы заплатить за имя заказчика? Это может вам дорого обойтись.

– Я не думаю... – Он замялся. – Не думаю, что мне понадобится его имя.

Это не укладывалось в общую картину, но я решил не заострять внимания.

– Если за вами будет следить любитель, конечно, я легко его засеку. И что дальше? Вы хотите, чтобы он знал, что его вычислили?

Йегер на секунду задумался.

– Не уверен. Думаю, лучше не стоит.

– Тогда мне не удастся его сфотографировать. Смогу дать лишь его описание.

– Это меня вполне устроит.

– Хорошо. – Я положил блокнот на стол. – Вы живете на Шестьдесят восьмой улице. Но это ведь не многоквартирный дом?

– Нет, частный дом. Мой дом.

– Тогда мне не стоит туда входить или приближаться к нему. Если за вами следит профессионал, он наверняка меня узнает. Мы вот что сделаем. Ровно в семь вечера вы выйдете из дому, дойдете до Второй авеню и, не переходя через дорогу, свернете налево. В тридцати шагах от угла будет закусочная, а перед ней...

– Откуда вы знаете?

– Я знаю Манхэттен практически как свои пять пальцев. Перед закусочной прямо у тротуара или во втором ряду будет стоять синее с желтым такси с табличкой «Занято». У водителя широкое квадратное лицо и большие уши. Вы скажете ему: «Вам не мешает побриться», на что он ответит: «У меня слишком чувствительная кожа». На всякий случай проверьте его имя на карточке. Там должно значиться: «Альберт Голлер». – Я написал имя. – Не хотите записать для верности?

– Нет.

– Тогда постарайтесь не забыть. Дайте ему адрес на Западной Восемьдесят второй улице, откиньтесь на спинку сиденья и расслабьтесь. Больше вас ничего не должно волновать. Что бы ни предпринял водитель, он свое дело туго знает. Постарайтесь не оглядываться. Хотя для вас это будет чуть сложнее.

– Я гляжу, вы быстро подготовили мизансцену, – улыбнулся он.

– У меня не так много времени. – Я бросил взгляд на на-

стенные часы и поднялся с места. – Сейчас уже почти пять вечера. Короче, я вас буду видеть, а вы меня нет.

– Отлично! – Йегер встал с кресла. – Измеряйте высоту вашего ума по величине отбрасываемой им тени. Уверен, я в вас не ошибся. – Он протянул мне руку. – Можете меня не провожать. Я найду дорогу.

Однако я двинулся за ним, что вошло у меня в привычку с тех пор, как один посетитель умышленно не захлопнул за собой дверь, незаметно пробрался в дом, спрятался за диваном в гостиной, а затем обшарил все незапертые ящики и шкафы в кабинете. Уже в дверях я спросил Йегера, как зовут таксиста, и получил правильный ответ. На обратном пути я отправился прямо на кухню, где взял с полки стакан, а из холодильника – пакет молока. Фриц, резавший за центральным столом лук-шалот, наградил меня укоризненным взглядом:

– Ты плюнул мне в душу. И горько об этом пожалеешь. Моя икра шэда с душистыми приправами – королевское блюдо.

– Согласен. Но я-то не король. – Я налил себе молока. – К тому же я скоро отправляюсь на задание и не знаю, когда вернусь.

– А? По личным делам?

– Нет. – Я сделал глоток. – Я не только отвечу на твой вопрос, а задам его за тебя. Поскольку у нас уже почти шесть недель не было ни одного стоящего клиента, ты хочешь знать, появился ли он сейчас. И кто ж тебя за это осу-

дит! Отвечаю: вероятно, но не очевидно. Вроде бы какая-то мелочовка. Так, нам на арахис. – Я сделал глоток. – Ты способен изобрести блюдо для короля на основе арахисового масла?

– Арчи, в жизни нет ничего невозможного. Проблема только в том, чтобы расщепить масло. Никакого уксуса. Он все забудет. Быть может, сок лайма с парой капель лукового сока или без него. Завтра непременно попробую.

Я попросил его рассказать о результатах эксперимента, после чего, прихватив с собой стакан с молоком, ушел в кабинет, сел за письменный стол, набрал номер «Газетт», и меня соединили с Лоном Коэном. Лон заявил, что слишком занят и в данный момент его может заинтересовать лишь материал для первой полосы или приглашение на покер. Я ответил, что не могу предложить ни того ни другого, но непременно учту его пожелания, а сейчас я готов подождать у телефона, пока Лон сходит в архив проверить, нет ли у них каких-нибудь данных о Томасе Г. Йегере, исполнительном вице-президенте «Континентал пластик продактс», место жительства: дом номер 340 по Восточной Шестьдесят восьмой улице. Лон ответил, что это имя ему знакомо, возможно, у него даже есть вся нужная информация и он обязательно мне перезвонит. Что Лон и сделал через десять минут. «Континентал пластик продактс» – очень крупная фирма, головной завод находится в Кливленде, а отдел продаж и штаб-квартира расположены в Эмпайр-стейт-билдинг. Томас Г. Йе-

гер уже пять лет занимает должность исполнительного вице-президента и сейчас на коне. Йегер женат, у него есть дочь Энни, не замужем, и сын Томас Г. Йегер-младший, женат. Томас Г. Йегер-старший – член...

Я ответил Лону, что узнал все необходимое, и, поблагодарив, повесил трубку, затем позвонил в оранжерею по внутренней линии. И через какое-то время я услышал голос Вулфа, естественно крайне недовольный:

– Да?

– Простите, что помешал. Приходил человек по фамилии Йегер. Он хочет выяснить, есть ли за ним слежка и кто именно этим занимается. Он знает, что придется раскошелиться, но не возражает, поскольку лучше меня никого нет. Я навел о нем справки, он вполне платежеспособен, а я, быть может, тогда смогу получить зарплату за пару недель. Когда вы спуститесь вниз, меня уже не будет. Его фамилия и адрес в моем блокноте. Вернусь ближе к ночи.

– Ну а завтра? Сколько времени это займет?

– Думаю, недолго. В противном случае подрядим на это Сола или Фреда. Объясню позже. Просто рутинная работа.

– Отлично. – Вулф положил трубку, а я набрал номер и связался с Алом Голлером.

Глава 2

Два часа спустя, в 19:20, я сидел в такси, припаркованном на Шестьдесят седьмой улице между Второй и Третьей авеню, и, скособочившись, смотрел в заднее окно. Если Йегер вышел из дому ровно в 19:00, то в 19:04 он должен был сидеть в такси Ала Голлера, который к 19:06, по идее, успел повернуть за угол Шестьдесят седьмой улицы. Но сейчас, в 19:20, я так и не обнаружил никаких признаков такси.

Было совершенно бессмысленно гадать, в чем причина задержки, хотя именно этим я и занимался. К 19:30 у меня набралась целая коллекция предположений, от лежащих на поверхности до весьма причудливых. В 19:35 мне осточертело гадать на кофейной гуще. В 19:40 я сказал таксисту Майку Коллинсу, также своему старому знакомцу:

– Дурдом. Пойду погляжу.

Я вылез из автомобиля и направился в сторону перекрестка. Ал по-прежнему сидел за рулем такси напротив закуской. Дождавшись зеленого сигнала светофора, я перешел через дорогу и спросил Ала:

– А он где?

– Единственное, что я точно знаю, – это где его нет, – зевнул Ал.

– Ладно, я ему сейчас позвоню. Если он появится, пока я буду звонить, ты уж постарайся подольше не заводить мотор.

Чтобы я успел вернуться к Майку.

Ал кивнул и снова зевнул, а я вошел в закусочную, нашел телефон-автомат и набрал Чисхолм пять, три-два-три-два. После четырех длинных гудков я услышал мужской голос:

– Резиденция миссис Йегер.

– Могу я поговорить с мистером Йегером?

– В данный момент он не может подойти к телефону. А кто его спрашивает?

Я сразу повесил трубку, поскольку узнал голос сержанта Пэрли Стеббинса из уголовной полиции Западного Манхэттена, которому в свое время объяснил, что, если кто-то подходит к телефону в доме Джона Доу¹, он говорит не «резиденция мистера Доу», а «резиденция миссис Доу».

Повесив трубку, я покинул закусочную и велел Алу Голлеру оставаться на месте, после чего догулял до угла Шестидесят восьмой улицы и, свернув направо, увидел возле дома номер 340 припаркованный патрульный автомобиль, за рулем которого сидел детектив, постоянно возивший Стеббинса. Я вернулся в закусочную к знакомому телефону-автомату, набрал номер «Газетт» и попросил соединить с Лоном Коэном. Мне хотелось спросить его, не доводилось ли ему слышать о совершенных недавно интересных убийствах, но не пришлось.

¹ В употреблении правоохранительных органов США под этим псевдонимом подразумевается неопознанное тело. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Арчи? – послышался голос Лона.

– Все верно. Послушай, ты...

– Когда ты звонил мне три часа назад, откуда, черт возьми, ты мог знать, что Томаса Г. Йегера собираются убить?!

– Я не знал. Ничего не знаю. Я просто...

– Брехня! Но я оценил. Спасибо за статью на первую полосу. «НИРО ВУЛФ СНОВА УДЕЛЫВАЕТ КОПОВ». Вот послушай, что я уже написал: «Ниро Вулф, выдающийся частный детектив, погрузился в дело об убийстве Йегера за два часа до того, как его труп обнаружили в яме на Западной Восемьдесят второй улице. В семнадцать часов пять минут Арчи Гудвин, слуга мистера Вулфа, позвонил в редакцию „Газетт“, чтобы получить...»

– Накося выкуси! Всему миру известно, что я не слуга, а порученец, да и вообще, сама идея, чтобы Ниро Вулф во что-то там погрузился, – полный абсурд. А кроме того, я сейчас звоню тебе впервые за месяц. Если тебе кто-то звонил, симитировав мой голос, то, скорее всего, это и был убийца. Будь ты чуть-чуть поумнее, то задержал бы его у телефона, чтобы отследить звонок, и тогда мог бы...

– Ну ладно. Начнем сначала. Когда ты сможешь мне хоть что-нибудь дать?

– Когда будет что тебе дать. Уж кому-кому, а тебе грех на меня жаловаться. Разве нет? Сделай вид, будто я не знал никакого Йегера, пока ты мне о нем не рассказал. А где на Западной Восемьдесят второй улице выкопали яму?

– Между Колумбус-авеню и Амстердам-авеню.

– Ну и когда обнаружили труп?

– В десять минут восьмого. Пятнадцать минут назад.

Под брезентом на дне траншеи, вырытой энергетиками «Кон Эдисон». Мальчишки залезли туда достать закатившийся мячик.

Выждав секунду, я сказал:

– Труп, должно быть, скинули туда после пяти вечера. В это время парни из «Кон Эдисон» обычно заканчивают работу, если нет аврала. А может, кто-нибудь, увидев, как в траншею закатился труп, накрыл его брезентом?

– Откуда мне знать? Мы услышали об этом всего полчаса назад.

– Ну а тело достоверно опознано?

– Абсолютно. Один из наших людей, которых мы туда послали, позвонил пять минут назад. Он опознал Йегера.

– С чего ты взял, что его убили?

– Это, конечно, не официальная информация, но у Йегера в виске дырка. Вряд ли он сам себе пальцем просверлил. Послушай, Арчи, его досье из архива уже лежало у меня на столе, когда к нам пришла срочная информация. Буквально через час все в редакции будут знать, что я посылал за этими материалами за два часа до убийства. Я не против напустить на себя таинственность, но в случае шумихи для меня это лишний геморрой. Итак, я заявлю, что посылал за досье по твоей просьбе, а кто-то другой, кто любит оказывать любез-

ность, сообщит об этом кому-нибудь из убойного отдела. И что тогда?

– Тогда я, как всегда, стану сотрудничать с копами. Буду у тебя через двадцать минут.

– Прекрасно. Всегда рад тебя видеть.

Я вышел на улицу, сел к Алу в такси и велел ему повернуть за угол к Майку. Отъехав от тротуара, Ал заявил мне, что, согласно инструкции, он должен был взять пассажира, который скажет, что ему, Алу, не мешало бы побриться, и я ответил, что да, бритье ему явно не повредило бы. На Шестьдесят седьмой улице возле такси Майка свободного места не оказалось, поэтому мы остановились во втором ряду, и я вышел, оказавшись между двумя такси с опущенными передними стеклами.

– Все, концерт окончен, – сказал я таксистам. – В связи с обстоятельствами, которые мне не подвластны. Я не называл вам цену в силу ряда неизвестных факторов, таких, например, как продолжительность поездки, но, поскольку вам всего лишь пришлось сидеть и ждать, думаю, по двадцатке на брата будет в самый раз.

– Ага, – произнес Майк.

– Конечно, – ответил Ал. – А что случилось?

Вытащив бумажник, я достал оттуда шесть двадцаток:

– Итак, я утраиваю сумму. Ведь что-что, а вы точно не дураки. Я не назвал вам имя клиента, но описал его, и вы в курсе, что он должен был появиться с Шестьдесят восьмой

улицы, чтобы ехать на Западную Восемьдесят вторую улицу. Поэтому когда вы узнаете из завтрашних газет, что тело некоего Томаса Г. Йегера, проживавшего в доме триста сорок по Восточной Шестьдесят восьмой улице, сегодня в двенадцать десять было обнаружено в яме на Западной Восемьдесят второй улице с дыркой в голове, то наверняка удивитесь. А когда человек чему-то удивляется, ему хочется об этом поговорить. Здесь шестьдесят баксов на брата. За это я хочу иметь возможность удовлетворить свое любопытство, но так, чтобы копы не стали донимать меня расспросами, зачем нужно было организовывать всю эту мизансцену. Какого черта он решил не придерживаться нашей программы, а выбрал собственный маршрут?! Хочу добавить, он ни словом, ни намеком не показывал, что ему угрожает опасность. Он только хотел узнать, есть ли за ним хвост, и просил по возможности выяснить, кто за ним следит. Как раз это я вам тогда и сообщил, причем все именно так и было. Лично я не имею ни малейшего понятия, кто его убил и почему. Теперь вы знаете то же, что и я. Но я бы хотел, чтобы, пока я немного не сориентируюсь, об этом больше никто не знал. Парни, мы с вами знакомы... сколько?

– Пять лет, – ответил Майк.

– Восемь, – уточнил Ал. – Интересно, откуда ты узнал, что он получил свое, если труп обнаружили всего час назад...

– Когда я позвонил ему домой, мне ответил сержант из убойного отдела Пэрли Стеббинс. Завернув за угол, я узнал

водителя патрульного автомобиля, припаркованного возле дома номер триста сорок. А когда я позвонил знакомому репортеру, тот сообщил мне такие вот новости. Я ничего не утаиваю. Теперь вы знаете все. Вот ваши шестьдесят баксов.

Ал подцепил двумя пальцами двадцатку, вытащив ее из пачки.

– За потраченное время этого более чем достаточно, – сказал он. – А язык за зубами обещаю держать по-любому. По личным соображениям. И с превеликим удовольствием. Теперь, завидев копа, я буду про себя говорить: «А вот я знаю что-то такое, чего ты, убудок, не знаешь».

Майк с ухмылкой взял три двадцатки:

– А по мне, так денежки лишними не бывают. Но теперь при всем желании молотить языком я точно не смогу. Тем более с копами. Ведь тогда придется вернуть тебе сорок баксов. Я человек простой и, может, не такой благородный, но честный. – Положив деньги в карман, он протянул мне здоровенную лапу. – А для верности давай-ка ударим по рукам.

Мы обменялись рукопожатием, после чего я сел к Алу в такси и велел ему везти меня к зданию редакции «Газетт».

Если Лон Коэн и занимал какую-нибудь высокую должность, лично мне это было неизвестно. Хотя, скорее всего, никакой особой должности у него не имелось. На дверях комнатухи, расположенной на двадцатом этаже через две комнаты от углового кабинета главного редактора, значилась лишь фамилия Коэн. Казалось, при этом Лон должен был

находиться на периферии вихрей газетных новостей, но он всегда держал руку на пульсе, будучи в курсе не только того, что недавно произошло, но и грядущих событий. Мы многие годы, не подбивая бабок, мирно существовали с ним по принципу «Ты мне, я тебе», причем никто ни у кого не оставался в долгу.

Лон относился к тому типу мужчин, которых принято называть чернявыми: темная кожа, туго обтягивающая аккуратное маленькое лицо, темно-карие, глубоко посаженные глаза, черные волосы, зализанные назад на продолговатом черепе. А еще Лон был чуть ли не лучшим игроком в покер, с которым мне приходилось коротать ночь за карточным столом. Лучшим считался Сол Пензер, но с ним вам еще предстоит познакомиться. Когда в тот роковой вечер понедельника я вошел в каморку Лона, он разговаривал по телефону. Я сел на стул возле письменного стола и стал слушать. Разговор продолжался несколько минут, и за это время Лон девять раз произнес «нет». Когда он положил трубку, я заметил:

– Что-что, а поддакивать ты умеешь.

– Мне нужно сделать срочный звонок. – Лон вручил мне картонную папку. – На, развлекайся.

Это было досье на Томаса Г. Йегера. Не слишком пухлое: дюжина газетных вырезок, четыре напечатанные на пишущей машинке докладные записки, вырезка статьи из профессионального журнала «Пластикс тудей» и три фотографии. Две фотографии были сделаны в фотостудии, внизу стояла

фамилия Йегер, а на одной было запечатлено мероприятие в бальном зале отеля «Черчилль», подпись под снимком гласила: «Томас Г. Йегер произносит речь на банкете Национальной ассоциации производителей пластмасс, отель „Черчилль“, Нью-Йорк, 19 октября 1958 года». Йегер стоял на сцене у микрофона, рука поднята в приветственном жесте. Я прочел докладные записки, пролистал вырезки из газет и уже перешел к статье из журнала, но тут Лон закончил телефонный разговор и повернулся ко мне:

– Ну ладно, хорошенького понемножку. Отдавай.

Закрыв папку, я положил ее на стол:

– Я пришел заключить сделку, но сперва ты должен кое-что уяснить. Я никогда не видел Томаса Г. Йегера, никогда не разговаривал с ним, не вступал ни в какие контакты, так же как и мистер Вулф. И вообще, я ничего о нем не знаю, за исключением того, что ты сообщил мне по телефону или я прочел сейчас в этом досье.

– Хорошо. А теперь не для протокола. Сугубо между нами.

– То же самое. Хочешь верь, хочешь нет. Но я услышал о нем кое-что любопытное, после чего и позвонил тебе в пять вечера. Я хочу до поры до времени попридержать эту информацию хотя бы на двадцать четыре часа, а может, и дольше. Думаю, у меня не будет ни минуты свободной, и я отнюдь не горю желанием провести завтрашний день в офисе окружного прокурора. Поэтому людям совершенно не обязательно

знать о том, что сегодня я наводил у тебя справки о Йегере.

– Не обязательно, но желательно. По крайней мере для меня. Ведь я посылал за досье. Если я скажу, типа мне пришло в голову, будто что-то должно случиться, могут пойти разговоры.

– Да ладно тебе! – ухмыльнулся я. – У тебя, что ли, совсем яиц нет? Неужели так трудно навешать им лапши на уши? Например, сказать, что информатор сообщил кое-что интересное, но ты не хочешь нарушать условия конфиденциальности? Кроме того, я предлагаю тебе сделку. Ты забываешь о моем интересе к Йегеру до дальнейшего уведомления. Я внесу тебя в список для поздравления с Рождеством. В этом году это будет абстрактная красочная картина с текстом следующего содержания: «Мы хотим подарить тебе картину с изображением того, как купаем свою собаку. С наилучшими пожеланиями от Арчи, Мехитабель и детишек»².

– У тебя нет никакой Мехитабель и тем более никаких детишек.

– Естественно. Вот потому-то картина и будет абстрактной.

Лон окинул меня внимательным взглядом:

– Ты можешь дать хоть что-нибудь не для цитирования. Или что-то такое, что я мог бы придержать до твоей отмаш-

² Имеются в виду комические персонажи американского юмориста, журналиста и писателя Дона Маркиза: таракан Арчи и его подруга бездомная кошка Мехитабель.

ки.

– Нет. Не сейчас. В случае чего я хорошо знаю номер твоего телефона.

– Ты в своем репертуаре! – Лон развел руками. – Ладно, у меня дел невпроворот. Будет настроение, заглядывай.

У него на столе зазвонил телефон, Лон отвернулся, и я вышел из комнаты.

По дороге к лифту я обдумал сложившуюся ситуацию. Я сказал Вулфу, что вернусь ближе к отходу ко сну. Но сейчас было всего лишь девять часов. А я здорово проголодался. Конечно, можно было бы где-нибудь перекусить и во время еды разработать план действий, но я чертовски хорошо знал, что именно собирался делать, а это могло занять всю ночь. Кроме того, на задании мне следовало действовать, исходя из своего опыта и здравого смысла, а при возникновении осложнений – звонить Вулфу. Но сейчас телефон не годился, и не только потому, что Вулф ненавидел что-либо обсуждать по телефону, но и потому, что нужно было преподнести ситуацию в правильном свете, а иначе Вулф откажется играть в мои игры. В результате я поймал такси и дал водителю адрес старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице.

Я вышел из такси и, преодолев семь ступенек крыльца, нажал на кнопку звонка. Конечно, у меня был свой ключ, но в мое отсутствие Фриц обычно запирает дверь на цепочку. Фриц впустил меня внутрь, но держался индифферентно,

однако в его глазах я прочел неприкрытый вопрос – тот же самый вопрос, который он не решился задать сегодня днем: появился ли у нас наконец клиент? Я сказал, что это по-прежнему не лишено вероятности, но сейчас у меня живот подвело от голода и я хотел бы получить кусок хлеба и стакан молока. Фриц ответил, что да, конечно, он сию же минуту сделает все в лучшем виде, и я прошел в кабинет.

Вулф сидел за своим письменным столом, откинувшись на спинку кресла – пожалуй, единственного в мире кресла, в котором он мог сидеть, не скривившись. Кресло было изготовлено под его руководством по особому заказу. В комнате горел лишь настенный светильник над левым плечом Вулфа, и при таком угле преломления света он выглядел даже более корпулентным, чем на самом деле, напоминая гору в лучах восходящего солнца. Я вошел и включил общий свет, вернув Вулфу привычные размеры.

– Хм... – произнес он и, дождавшись, когда я сяду за стол, спросил: – А ты успел поесть?

– Нет. Но Фриц сейчас что-нибудь принесет.

– Принесет? – удивленно и даже чуть-чуть раздраженно переспросил Вулф.

Как правило, если я, задержавшись на задании, пропускаю очередную трапезу, то сразу же отправляюсь на кухню перекусить, за исключением тех случаев, когда мне нужно доложить о чем-то не терпящем отлагательств. Но когда Вулф настроен уютно скоротать вечер за книгой, ему меньше всего

хочется выслушивать чьи-то доклады.

– Я хочу снять камень с души.

Вулф поджал губы, но продолжал держать в обеих руках открытую книгу, довольно толстую. Заложив нужную страницу пальцем, Вулф тяжело вздохнул:

– Ну что там у тебя еще?

Я решил, что не стоит ходить вокруг да около. Когда имеешь дело с Вулфом, приходится действовать сообразно обстановке.

– Листок бумаги, который я положил вам на стол. Банковский баланс после выписанных чеков. В июне, а точнее, через тридцать семь дней уплата налогов. Конечно, мы можем внести изменения в декларацию, если нам не подвернется клиент с серьезной проблемой и соответствующим авансом.

Вулф сердито уставился на меня:

– Опять ты завел свою волынку!

– Ничего я не заводил. Да и вообще уже целых три дня как воды в рот набрал. А сейчас я поднял этот вопрос, так как хочу получить разрешение попробовать нарыть нам клиента, а не ждать милостей от природы. У меня от сидения уже мозоли на заднице образовались.

– Ну и какой у тебя план действий? Надеть на себя рекламный щит?

– Нет, сэр. У меня есть потенциальная цель. Чисто потенциальная. Я насчет того человека, который хотел нанять меня, чтобы я установил, кто за ним следит. Томаса Г. Йегера.

Я договорился с двумя таксистами и велел им быть наготове к семи вечера. Один должен был забрать Йегера, второй – меня, чтобы ехать следом. Однако Йегер так и не появился. Мне надоело ждать, и я позвонил ему домой. К телефону подошел сержант Стеббинс. Тогда я завернул за угол и увидел напротив дома Йегера патрульный автомобиль с водителем Пэрли Стеббинса за рулем. Я позвонил Лону Коэну, и Лон поинтересовался, с чего это вдруг я решил навести справки о Томасе Йегере за два часа до того, как его тело было обнаружено в яме на Западной Восемьдесят второй улице. С дыркой в голове. Итак, наш клиент ушел в мир иной, но сдастся мне, его уход, возможно, позволит нам получить другого клиента. Он был большой шишкой в своей сфере деятельности, на высокой должности, с хорошим домом в хорошем районе, и, вероятно, никто, кроме меня, не знал о его подозрениях, что за ним следят или собираются следить. Адрес, за которым, по его мнению, могла быть установлена слежка, такой: Западная Восемьдесят вторая улица, дом сто пятьдесят шесть. Именно в том квартале и обнаружили тело. Поэтому я потратил немного ваших денег. Я заплатил обоим таксистам не только за потраченное время, но и накинул сорок баксов сверху за то, чтобы они забыли о том, где были сегодня вечером. Точнее, дополнительные сорок баксов я дал Майку Коллинсу. Ал Голлер все забыл по сугубо личным мотивам.

– Решай сам. Возможно, убийцу уже поймали, – провор-

чал Вулф.

– Тогда вы лишились сорока долларов в дополнение к пятидесяти трем долларам и шестидесяти центам, истраченным на нашего клиента, с которого мы не сможем взыскать эту сумму по причине его преждевременной смерти. Но все не так просто. На самом деле наш клиент не умер. Или, другими словами, у нас не было клиента. По пути домой я заскочил в редакцию «Газетт» уговорить Лона Коэна забыть о моем звонке с вопросами насчет Томаса Г. Йегера. Там на столе была папка с материалами по Йегеру, включая несколько фото. Я их внимательно рассмотрел. Так вот, человек, который сегодня днем просил меня установить, есть ли за ним слежка, – вовсе не Йегер. Никакого сходства. Поэтому, точнее сказать, у нас и не было никакого клиента.

Глава 3

Я, естественно, надеялся на бурную реакцию, и она не заставила себя ждать. Вулф, выпрямившись, потянулся за закладкой – тонкой золотой пластинкой, которой он пользовался исключительно для книг, достойных, по его мнению, занять место на полке. Пока Вулф закрывал книгу, вошедший в комнату Фриц поставил на мой письменный стол поднос с едой. Увидев, что Вулф отложил книгу, Фриц одобрительно мне подмигнул, а я занялся тем, что стояло на подносе. Миска супа-пюре из каштанов, сэндвич с огурцом и креветками на тосте, сэндвич с ростбифом на круглой булочке домашней выпечки, горка кресс-салата, запеченное в белом вине яблоко и стакан молока.

Итак, вопрос этикета. Во время ланча или обеда в нашей столовой на все деловые разговоры наложено табу. Это правило так строго не распространялось на перекусы, но Вулф глубоко убежден, что ничто не должно отвлекать человека от процесса приема пищи. Отложив в сторону книгу, Вулф откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Съев пару ложек супа, я сказал:

– От голода я не чувствую вкуса еды. Поэтому не стесняйтесь, можете говорить.

Он тотчас же открыл глаза:

– Итак, ты абсолютно уверен?

– Да, сэръ. – Я проглотил очередную ложку супа. – Его имя стояло под фотографиями. А кроме того, я видел его фотографию в журнале. Он чем-то смахивает на белку: острый нос и скошенный подбородок. А у человека, который сегодня к нам приходил, было длинное костлявое лицо и широкий лоб.

– И, назвавшись Йегером, он заявил, что, по его мнению, за ним будет установлена слежка, когда он отправится по определенному адресу по Западной Восемьдесят второй улице. Тело Йегера было обнаружено именно неподалеку от указанного дома. Время смерти установлено?

– Не знаю. Всему свой черед. А кроме того, как я вам уже говорил, Лон узнал лишь то, что труп лежал под куском брезента в яме, выкопанной работягами из «Кон Эдисон». Тело нашли ребяташки, которые полезли в яму за мячом.

– Если я одобрю твое предложение изучить возможность получить клиента и заработать хоть какие-то деньги, как ты собираешься действовать?

Я проглотил очередную ложку супа.

– Для начала доем сэндвичи, яблоко и допью молоко. После чего отправлюсь на Восемьдесят вторую улицу. Хотя труп Йегера был обнаружен именно на этой улице, не лишено вероятности, что его ничего не связывает с данным конкретным адресом. Вполне возможно, что Йегера убили в другом месте, а труп привезли сюда и скинули в яму. Восемьдесятые улицы между Колумбус-авеню и Амстердам-аве-

ню отнюдь не самое подходящее место для больших шишек из крупной корпорации. Здесь в основном проживают пуэрториканцы и кубинцы, ютящиеся по трое-четверо в одной комнате. Я хочу выяснить, какие такие дела привели туда Йегера, если, конечно, они у него там были.

– Ты что, собираешься отправиться прямо сейчас? Так поздно?

– Естественно. Как только очищу этот поднос.

– Пф! Сколько раз я тебе говорил, что спешка хороша лишь тогда, когда промедление смерти подобно?!

– Шесть тысяч, не меньше.

– А ты по-прежнему очертя голову лезешь вперед. Утром мы узнаем недостающие детали картины. Возможно, у нас не останется невыясненных вопросов. За исключением личности мужчины, пришедшего к тебе под чужим именем. Что, вероятно, уже не будет иметь значения. Хотя сейчас это, безусловно, важно. Как долго он тут находился?

– Двадцать пять минут.

– Нам понадобится запись всего, что он говорил. Вместо того чтобы нестись на Восемьдесят вторую улицу, ты проведешь вечер за пишущей машинкой. Я хочу дословный текст разговора и подробное описание посетителя. – Вулф взял книгу, явно собираясь возобновить чтение.

Итак, на все про все у меня ушел остаток вечера. Я, конечно, по-прежнему не отказался бы взглянуть на дом номер 156 по Западной Восемьдесят второй улице, пока им

не заинтересовались копы, если, конечно, уже не заинтересовались, но у Вулфа имелась своя точка зрения, и это его деньгами я рассчитался с Майком Коллинсом. Отстукать на машинке текст своей беседы с поддельным Йегером было несложно. Так, рутинная работа. Я пересказывал и более продолжительные разговоры, чем этот, и с куда большим числом собеседников. Закончил я незадолго до полуночи. Сложив по порядку страницы оригинала и копии, я сунул их в ящик письменного стола, после чего выкинул орхидеи из вазы на столе Вулфа в мусорное ведро на кухне – утром Вулф принесет свежие и ваза должна быть свободной, – запер сейф, проверил, хорошо ли закрыта входная дверь, выключил свет и поднялся в свою комнату. Вулф уже удалился к себе в спальню на втором этаже.

Как правило, я спускаюсь в кухню на завтрак около половины девятого утра, но в этот вторник пришел пораньше, в начале девятого. Я собирался было сразу пройти к маленькому столу, где на подставку для чтения Фриц успел положить мой номер «Таймс», но, памятуя о том, что спешка хороша лишь тогда, когда промедление смерти подобно, я заставил себя обменяться приветствиями с Фрицем, получил стакан с апельсиновым соком, взболтал его и сделал пару глотков. Затем подошел к столу и взял газету. Интересно, увижу ли я заголовки «УБИЙСТВО ЙЕГЕРА РАСКРЫТО»?

Не увидел. Заголовок гласил: «ЗАСТРЕЛЕН КРУПНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ». Я сел и сделал очередной глоток.

Итак, за стаканом апельсинового сока, гречишными блинами, колбасой, черносмородиновым джемом и двумя чашками кофе я прочел как «Таймс», так и «Газетт». Здесь я, пожалуй, пропущу мелкие детали вроде имен мальчиков, которые обнаружили труп. Их имена назывались в газете, чего вполне достаточно, да и в любом случае я сильно сомневаюсь, что они читают книжки. В Йегера стреляли один раз, чуть повыше правого уха, с близкого расстояния, и он умер мгновенно. Осматривавшие труп в 19:30 эксперты установили, что смерть наступила примерно 16–24 часа назад. Следовательно, Йегера могли убить между 19:30 в воскресенье и 03:30 в понедельник. После вскрытия время смерти можно будет установить более точно. Весь понедельник в траншее на Восемьдесят второй улице никто не работал, поскольку ремонтные работы на какое-то время прервали, поэтому тело могли скинуть в яму и в воскресенье ночью. Ну а брезентом его уже потом, возможно, накрыли рабочие. Полиции не удалось найти никого, кто видел бы Йегера живым где-то поблизости или слышал бы звук выстрела, следовательно, его могли убить в другом месте, а затем привезти тело сюда.

Энн, дочь Йегера, находилась в Беннингтонском колледже, а сын, Томас Г. Йегер-младший, работавший на заводе «Континентал пластик продактс», – в Кливленде. Йегер с женой уехали из Нью-Йорка в пятницу вечером на уик-энд в деревню к друзьям, но Йегер вернулся в город в воскресенье во второй половине дня, а его жена – только в понедельник

утром. Таким образом, в воскресенье днем в доме Йегеров на Шестьдесят восьмой улице никого не было. Никто не знал о передвижениях Йегера после того, как он в воскресенье в 17:02 сел в Стамфорде на поезд до Нью-Йорка.

Полиция до сих пор никого не арестовала, а окружной прокурор заявил, что расследование продолжается.

На фотографии, опубликованной в «Таймс», Йегер улыбался широкой улыбкой политика. В «Газетт» также были напечатаны две фотографии: перепечатка с фото, которое я уже видел у Лона в кабинете, и снимок распростертого на краю ямы тела. Вырезав одно фото из «Таймс» и одно, прижизненное, из «Газетт», я положил снимки в блокнот.

В 8:51, допив кофе и поблагодарив Фрица за завтрак, я сказал, что не знаю, вернусь ли домой к ланчу, после чего поднялся на второй этаж к Вулфу. На столике возле окна я увидел поднос с пустой посудой, рядом лежал номер «Таймс». Вулф стоял перед зеркалом над комодом и завязывал галстук. Поскольку каждое утро Вулф прямо из своей комнаты отправляется в оранжерею, я вообще не понимаю, зачем ему галстук. Возможно, это было своеобразным проявлением галантного отношения к орхидеям. Пробурчав: «Доброе утро», Вулф поправил галстук и повернулся.

– Я пошел на дело, – сказал я. – Указания будут?

– Решай сам, – ответил Вулф.

– Нет, сэр. Это было вчера. Так вы меня туда посылаете или нет? У вас масса возможностей, если только вы не при-

пасли для меня кое-что еще. Йегер был уже мертв по крайней мере четырнадцать часов, когда к нам явился этот придурак. Записи того, что он говорил, вы найдете в ящике моего письменного стола. Сколько я могу взять на расходы?

– На твое усмотрение.

– В каких пределах?

– Естественно, в пределах разумного.

– Договорились. Не ждите меня. Когда вернусь, тогда и вернусь.

Спустившись в кабинет, я открыл сейф, достал пятьсот баксов старыми пятерками, десятками и двадцатками из нашего фонда наличных денег и запер сейф. После чего снял пиджак, открыл нижний ящик своего стола и, вынув оттуда наплечную кобуру, надел ее. Зарядил свой револьвер «марли» 22-го калибра и вложил в кобуру. После крайне неприятного инцидента несколько лет назад я теперь никогда не ухожу на задание, связанное с делом об убийстве, вооружившись лишь перочинным ножом. Надев пиджак, я вышел в коридор. Пальто и шляпа? Терпеть не могу с ними возиться! Небо было затянуто тучами, в прогнозе погоды по радио в 7:30 обещали ливни. Ну и черт с ними! Риск – благородное дело. Выйдя из дому, я поймал на Десятой авеню такси и велел водителю везти меня на угол Восемьдесят второй улицы и Бродвея.

Естественно, никакого сценария у меня не было. Придется импровизировать, если не считать очевидного первого

шага: узнать, закончили ли эксперты свою работу. Многие из них знали меня в лицо и отлично понимали, что я не стану околачиваться возле места преступления из банального любопытства. От Бродвея я направился в сторону Амстердам-авеню и, перейдя через дорогу, остановился на углу понаблюдать издали, со стороны Восемьдесят второй улицы. У меня отличное зрение, и с тридцати шагов я увидел номер 156. Вдоль тротуара с обеих сторон были плотно, бампер к бамперу, припаркованы автомобили, кроме огороженного участка вокруг ямы на мостовой, однако полицейских машин – с опознавательными знаками и без – я не заметил.

Прошу прощения у здешних жителей, но их квартал выглядел самой настоящей трущобой. Пятьдесят-шестьдесят лет назад, когда камень еще был новым, а латунь сияющей, длинный ряд пятиэтажных домов, возможно, и делал честь городу, но, увы, не сейчас. Дома казались совсем ветхими и на самом деле именно такими и были. Не сомневаюсь, если бы они так тесно не жались друг к другу, то наверняка рухнули бы. Прохожих на тротуаре я практически не увидел, тем более детей, поскольку уже начались занятия в школе, однако перед ограждением вокруг ямы, в пятнадцати ярдах от дома номер 156, собралась небольшая толпа. Зевак отгонял какой-то полицейский, правда самый обычный коп. Но ни детективов из убойного отдела, ни людей из офиса окружного прокурора я не заметил.

Я перешел дорогу и прогулялся вдоль ограждения. Через

плечо какой-то женщины в лиловом платье мне удалось увидеть в траншее двоих рабочих. Значит, эксперты закончили свое дело. Пока я стоял и смотрел на них, мне на ум пришло пять выводов.

1. Йегера что-то связывало с кем-то или с чем-то в доме номер 156. Кем бы ни был тот парень, который меня нанял, какой бы ни была его игра, был он убийцей или нет, он явно не с потолка взял имя Йегера.

2. Если Йегера убили в другом месте, а труп привезли сюда, чтобы произвести впечатление на кого-то из дома номер 156, почему было не бросить его прямо на тротуаре перед домом? Зачем нужно было закатывать труп в яму, спускаться туда и накрывать брезентом. Нет.

3. Если Йегера убили в другом месте и труп привезли сюда исключительно потому, что здесь была вырыта траншея, то придется признать совпадение. Но даже ежу понятно, что таких совпадений не бывает. Нет.

4. Йегера не могли застрелить при входе или выходе из дома номер 156. В любое время дня и ночи на этой улице звук выстрелов заставит десятки, если не сотни любопытных прильнуть к окнам. Итак, стрелок должен был или убежать, или нажать на газ. У него банально не хватило бы времени сбросить труп в яму и спуститься вниз, чтобы накрыть его брезентом. Нет.

5. Таким образом, Йегера могли убить в доме номер 156 в любое время после половины восьмого вечера воскресенья,

а уже поздно ночью, когда на улице никого не было, перетащить тело к траншее всего в пятнадцати ярдах от дома и сбросить вниз. Что никак не объясняло наличие брезента, но это уже тайна, покрытая мраком. По крайней мере, брезент не противоречил сделанным выводам. Скорее всего, брезент предназначался для того, чтобы труп обнаружили только тогда, когда рабочие возобновят работы.

Для частного детектива сообразительность – бесценное качество, позволяющее делать нужные выводы без чрезмерного умственного напряжения. Я отошел от ограждения и прошел те самые пятнадцать ярдов до дома номер 156.

В некоторых домах над входной дверью висели таблички «СДАЕТСЯ», но над дверью нужного мне дома такой таблички я не увидел. Однако табличка все же нашлась: кусок картона, прикрепленный к столбику у подножия крыльца. На ней от руки было написано «УПРАВЛЯЮЩИЙ» и была нарисована указывающая направо стрелка. Итак, я свернул направо и спустился на три ступеньки вниз, затем повернул налево и прошел через открытую дверь в маленькую прихожую, и тут перед моими глазами предстало нечто, явно не характерное для этого дома. В дверь был врезан замок Рабсона. Такой замок человек врезает лишь в том случае, если хочет, чтобы дверь можно было открыть с помощью или своего ключа, или кувалды, и при этом готов раскошелиться на 61 доллар 50 центов.

Я нажал на кнопку звонка. Через секунду дверь открылась

и передо мной возникла одна из трех самых красивых женщин, которых мне когда-либо доводилось видеть.

У меня перехватило дыхание. И, похоже, отвисла челюсть, а глаза полезли на лоб, поскольку женщина улыбнулась – так королева улыбается простолюдину.

– Вы что-то хотели? – Ее голос был низким и бархатистым, без придыхания.

Единственным нормальным ответом было бы: «Да, конечно, я хочу вас», но я сумел сдержаться. Лет восемнадцати, высокая, стройная, с кожей цвета тимьянового меда, который Вулфу присылают из Греции, она держалась на редкость горделиво, причем отнюдь не из-за своей красоты. Ведь, когда женщина гордится своей красотой, она просто выглядит самодовольной, но не в данном случае. Не думаю, что я начал заикаться, хотя вполне мог бы.

– Я бы хотел увидеть управляющего.

– Вы полицейский?

Если ей нравились полицейские, то единственным правильным ответом было бы «да». Впрочем, скорее всего, они ей не нравились.

– Нет, я репортер, – сказал я.

– Очень хорошо. – Отвернувшись от меня, она крикнула: – Папа, к тебе репортер! – Ее звонкий мелодичный голос показался мне еще прекраснее.

Грациозная, точно пантера, она снова повернулась ко мне и осталась стоять, горделиво и величаво, устремив на ме-

ня теплый взгляд темно-карих глаз. Казалось, она впервые в жизни видела перед собой мужчину. Черт, мне следовало что-то сказать! Но что? Единственное, пришедшее на ум, было: «Вы согласитесь стать моей женой?» – что было бы нелепо, поскольку я не мог представить ее за мытьем грязной посуды или штопаньем носков. Затем я обнаружил одну вещь. Оказывается, я машинально просунул ногу в дверь, чтобы ее не захлопнули у меня перед носом. И чары мгновенно рассеялись. Ведь я всего-навсего был частным детективом, жаждущим заполучить клиента.

Тем временем за дверью послышались чьи-то шаги, и прекрасная незнакомка отошла в сторону. На пороге возник коренастый широкоплечий мужчина на два дюйма ниже девушки, с курносым носом и густыми бровями. Я вошел в прихожую и поздоровался:

– Моя фамилия Гудвин. Я из «Газетт». Хочу снять у вас комнату. С окнами на улицу.

– Ступай, Мария, – сказал он дочери, а когда она исчезла в темном коридоре, добавил: – Нет комнаты.

– Плачу сто долларов в неделю. Хочу написать статью о месте преступления после убийства. Собираюсь пофотографировать людей, которые придут сюда поглазеть. Окно на втором этаже как раз подойдет для съемки.

– Я сказал: нет комнаты. – Его голос был низким и хриплым.

– Можете переселить кого-нибудь на время. Двести дол-

ларов.

– Нет.

– Триста.

– Нет.

– Пятьсот.

– Вы сумасшедший. Нет.

– Это не я сумасшедший, а вы. Воротите нос от пяти сотен. Как вас зовут?

– Не ваше дело.

– Ой, я вас умоляю! Я могу узнать ваше имя у соседей или у копа на улице. Или с вашим именем что-то не так?

Он прикрыл один глаз:

– С моим именем все так. Меня зовут Сесар Перес. Я гражданин Соединенных Штатов Америки.

– И я тоже. Так вы сдадите мне комнату на неделю за пятьсот баксов налом с оплатой вперед?

– Но я ведь говорил. – Он развел руками. – Нет комнаты. Тот мужчина на улице мертвый. Это нехорошо. Фотографировать людей из этого дома – нет. Даже если бы и была комната...

Я решил действовать нахрапом. Промедление было смерти подобно, поскольку в убойном отделе и офисе окружного прокурора в любую минуту могли обнаружить связь между Йегером и этим домом. Достав из кармана кошелек и вынув из него кое-что, я показал Пересу:

– Вам хорошо видно при таком тусклом свете?

Но он даже не сделал попытки приглядеться.

– А это еще что такое?

– Моя лицензия. Я не репортер, а частный детектив. Расследую убийство Томаса Г. Йегера.

Он снова прикрыл один глаз. После чего сунул мне обратно лицензию и набрал полную грудь воздуха:

– Вы не из полиции?

– Нет.

– Тогда убирайтесь. Убирайтесь из этого дома! Я уже сказал троим полицейским, что не знаю ничего о том человеке в яме, и один из них меня оскорбил. Убирайтесь!

– Отлично. – Я положил лицензию в кошелек и убрал в карман. – Это ваш дом. Но я скажу, что будет дальше, если вы меня отфутболите. Буквально через полчаса с десятков полицейских явятся сюда с ордером на обыск и перевернут вверх ногами дом. Обшарят каждый дюйм. Они задержат всех, кто в доме. Начиная с вас и вашей дочери и кончая любимым, кто сюда войдет. А сделают они это исключительно по следующей причине. Я сообщу им о наличии у меня доказательств, что в воскресенье вечером Томас Г. Йегер пришел сюда и был здесь убит.

– Неправда. Вы совсем как тот полицейский. Тоже хотите меня оскорбить.

– Ладно. Сперва я попрошу копа – того, что перед домом, – прийти и подежурить здесь, чтобы вы никого не успели предупредить.

В яблочко. Перес подготовился к общению с копами. Но я застал его врасплох и выбил из равновесия. А он вовсе не такой дурак, как кажется. Он знал, что даже если я и не смогу ничего доказать, то устрою ему геморрой с законом и навлеку кучу неприятностей на дом.

Я сделал вид, будто собираюсь уйти, но тут Перес схватил меня за руку. Я повернулся. У него подбородок ходил ходунком.

– Это вы его убили? – спросил я.

– Вы полицейский, – заявил он.

– Нет. Меня зовут Арчи Гудвин, и я работаю на частного детектива по имени Ниро Вулф. Мы рассчитываем получить гонорар за расследование этого убийства. Так мы зарабатываем себе на жизнь. Положа руку на сердце, я предпочитаю сам выяснить, зачем сюда приходил Йегер. Но если вы не будете со мной сотрудничать, придется позвать того копа. Это вы его убили?

Он резко развернулся и бросился бежать. Я схватил его за плечо и развернул лицом к себе:

– Это вы его убили?

– У меня есть нож, – сказал он. – В своем доме имею право.

– Конечно. А у меня есть вот это. – Я вытащил из кобуры «марли». – А еще у меня есть на него разрешение. Это вы его убили?

– Нет. Я хочу поговорить с женой. Она смысленнее меня.

Мои жена и дочь. Я хочу...

Дверь в конце коридора распахнулась, и я услышал женский голос:

– Сесар, мы здесь.

И они действительно были здесь. К нам направлялась высокая, угрюмая, властного вида женщина. Мария осталась в дверях. Перес принялся что-то втолковывать ей по-испански, но она его оборвала:

– Ты это брось! Он решит, что у нас есть секреты. С американцами разговаривай как американец. – Она буравила меня взглядом колючих карих глаз. – Я все слышала. Я знала, что рано или поздно такое случится. Но думала, это будет полиция. Мой муж – честный человек. Он не убивал мистера Йегера. Мы называем его мистер Хаус, потому что этот дом принадлежит ему. Откуда вы узнали?

Я вернул «марли» в кобуру:

– Миссис Перес, раз уж я все знаю, то какая вам разница откуда?

– Никакой. Я сморозила глупость. Ладно, задавайте ваши вопросы.

– Я бы предпочел, чтобы мне ответил ваш муж. Правда, это займет какое-то время. У вас можно где-нибудь присесть?

– На ваши вопросы отвечу я. Сидим мы только с друзьями. А вы на моего мужа – с револьвером.

– Да это я так, похвастаться. Ну да ладно. Ноги-то ваши, а

я как-нибудь перетопчусь. В какое время мистер Йегер прибыл сюда в воскресенье?

– Я думала, вы знаете.

– Знаю. Мне интересно услышать, как вы будете отвечать. Если неправильно, то я возьмусь за вашего мужа. Или это сделает полиция.

Она на секунду задумалась.

– Он появился около семи вечера.

– Он приходил повидаться с вами, или с вашим мужем, или с вашей дочерью?

Женщина обожгла меня сердитым взглядом:

– Нет!

– А тогда с кем он здесь собирался встретиться?

– Я не знаю. Мы не знаем.

– Попробуйте еще раз. Это глупо. Я не собираюсь торчать тут весь день и по капле выжимать из вас информацию.

Она пристально на меня посмотрела:

– А вы когда-нибудь были у него наверху?

– Миссис Перес, вопросы здесь задаю я. С кем он собирался встретиться?

– Я не знаю. – Она повернулась к дочери. – Ступай, Мария.

– Но, мама, это ведь не...

– Ступай!

Мария исчезла в конце коридора и закрыла за собой дверь. Что было даже к лучшему, поскольку тяжело смотреть

в одну сторону, когда тебе хочется глядеть совсем в другую. Тем временем миссис Перес продолжила:

– Он появился где-то около семи и постучал в дверь. В ту самую. – Она показала на дверь, за которой исчезла Мария. – Поговорил с моим мужем и дал ему немного денег. Потом пошел по коридору к лифту. Мы не знаем, был ли кто там, наверху, или, может, пришел позже. Мы смотрели телевизор, поэтому не слышали, входил кто-нибудь в дом или поднимался на лифте. У мистера Йегера было заведено, что это не наше дело. Во входной двери хороший замок. Поэтому нет ничего странного, что мы не знаем, кого он здесь навещал.

– А где находится лифт?

– В глубине дома. Лифт тоже на замке.

– Вы спрашивали меня, был ли я когда-нибудь наверху. А вы сами-то были?

– Само собой. Мы поддерживаем там чистоту.

– Тогда у вас есть ключ. Ладно, поднимаемся туда. – Я решительно шагнул вперед.

Женщина неуверенно покосилась на мужа, посмотрела на меня, открыла дверь, которую только что закрыла Мария, сказала что-то по-испански и направилась вглубь коридора. Перес последовал за ней, я держался в арьергарде. В конце коридора миссис Перес вынула из кармана юбки ключ и вставила в замочную скважину металлической двери, тоже с замком Рабсона. Дверь, то ли алюминиевая, то ли из нержавеющей стали, бесшумно открылась. Дверь никак не вписывалась в

интерьер коридора, впрочем, так же как и внутренняя отделка лифта: нержавеющая сталь и красные эмалевые панели на стенках. Лифт оказался маленьким, гораздо меньше, чем у нас дома. Он бесшумно поднялся, насколько я мог судить, до верхнего этажа, дверь отъехала в сторону, и мы вышли.

Когда Перес включил свет, у меня уже во второй раз за этот час перехватило дыхание. Да, мне доводилось видеть немало комнат, в которых хозяева дали волю буйной фантазии, но по сравнению с этой все меркло. Возможно, определенную роль сыграл резкий контраст с трущобным кварталом, где находился дом, и непрезентабельным видом самого дома, но независимо от этого комната производила сильное впечатление. Первым, что бросалось в глаза, было обилие шелка и атласной кожи. Шелком, в основном красным, но кое-где бледно-желтым, были обтянуты стены, потолок и диваны. Атласная кожа – зрелых женщин и молоденьких девушек – была запечатлена на фотографиях и картинах, занимавших добрую треть стен. Куда ни глянь, взгляд цеплялся за обнаженную женскую плоть. На полу от стены до стены лежал бледно-желтый шелковый, по крайней мере на вид, ковер. Огромная комната во всю длину дома и шириной двадцать пять футов вообще не имела окон. Посередине правой стены стояла кровать размером восемь квадратных футов, застеленная бледно-желтым шелковым покрывалом. Эх, сюда бы сейчас Вулфа! Ведь желтый его любимый цвет. Я принялся. Воздух был свежим, но с примесью какого-то

аромата. Наверное, кондиционер со встроенным ароматизатором.

В комнате было не слишком много поверхностей, где могли сохраниться отпечатки пальцев: крышки двух столов, подставка под телевизор и столик, на котором стоял телефон.

Я повернулся к миссис Перес:

– Вы делали здесь уборку после воскресенья?

– Да, вчера утром.

Итак, одной проблемой меньше.

– А где дверь на лестницу?

– Тут нет лестницы.

– Лестница снизу заколочена, – объяснил Перес.

– Значит, попасть сюда можно только на лифте?

– Да.

– И как давно заколотили лестницу?

– Четыре года назад. Когда он купил дом. Мы работаем здесь уже два года.

– Как часто он здесь появлялся?

– Мы не знаем.

– Наверняка знаете. Вы же здесь каждый день убираетесь.

Как часто?

– Может, раз в неделю. А может, и чаще.

– За что вы его убили? – спросил я Переса.

– Нет. – Он снова прикрыл один глаз. – Я? Нет.

– А тогда кто?

– Мы не знаем, – ответила миссис Перес.

Пропустив ее слова мимо ушей, я сказал Пересу:

– Послушайте, я не собираюсь выдавать вас полиции, если, конечно, мне не придется этого сделать. Мы с мистером Вулфом хотели бы сами вами заняться. Но если вы будете упорствовать, у меня не останется другого выхода. Поэтому у нас совсем мало времени. Полицейские уже сняли отпечатки пальцев с брезента, под которым лежал труп. Я знаю, что Йегера убили в этом доме. И если хотя бы один отпечаток совпадет с вашим – все, пиши пропало. Вы по уши вляпались. Так как его убили в этом доме, вы наверняка что-то знаете. Что именно?

Перес повернулся к жене:

– Фелита?

Она буравила меня колючими карими глазами:

– Вы частный детектив. И вы сами сказали моему мужу, что это ваш хлеб. Тогда мы вам заплатим. У нас есть деньги. Правда, немного. Сто долларов.

– За что вы хотите мне заплатить?

– Чтобы вы стали нашим детективом.

– А что я должен расследовать?

– Мы вам скажем. Деньги у нас внизу.

– Нет, их сперва нужно заработать. Ладно. Считайте, я уже ваш детектив. Но я могу в любую минуту отказаться. Например, если приду к выводу, что вы с мужем убили Йегера. Ну и что именно вы хотите, чтобы я расследовал?

– Мы хотим, чтобы вы нам помогли. Вы что-то говорили

об отпечатках пальцев. А я ведь просила надеть перчатки. Он не захотел. Я без понятия, откуда вам столько всего известно. Но мы знаем, что будет, если вы расскажете полиции об этом доме. Мы не убивали мистера Хауса. Мистера Йегера. И не знаем, кто его убил. Муж вынес труп и сбросил его в яму, потому что нам пришлось. Когда мистер Хаус приехал в воскресенье вечером, он велел моему мужу сходить в полночь к Мондору и забрать заказ: икру, жареного фазана и кое-что еще, а когда муж вернулся и поднялся с продуктами в комнату наверху, то увидел мертвое тело. – Она ткнула пальцем. – Вот здесь, на полу. И что нам оставалось делать? Он посещал этот дом тайно. Как мы могли вызвать полицию?! Мы точно знали, что тогда было бы. Поэтому сейчас мы заплатим вам за помощь. Быть может, больше ста долларов. Вы узнаете...

Она осеклась и резко повернулась. Из лифта донесся какой-то шум, что-то звякнуло, а затем послышался едва слышный звук трения троса.

– Лифт едет вниз. Внизу кто-то есть, – сказал Перес.

– Ага, – согласился я. – Но кто?

– Мы не знаем, – ответила миссис Перес.

– Тогда прямо сейчас и посмотрим. Оставайтесь на месте.

Вы оба. – Я вытащил из кобуры револьвер.

– Это полицейский, – произнес Перес.

– Нет! – отрезала миссис Перес. – Нет ключа. У него нет ключей мистера Хауса, ведь мы их забрали.

– Заткнитесь! – шикнул на них я. – Если я ваш детектив, делайте, как вам велят. Никаких разговоров и никаких лишних движений.

Мы стояли лицом к лифту. Я прижался спиной к стене, на расстоянии вытянутой руки от двери лифта. Поскольку тому, кто был внизу, пришлось нажать на кнопку, чтобы вызвать лифт на первый этаж, этот человек наверняка догадался, что наверху кто-то есть, и, возможно, он, как и я, сейчас держит палец на спусковом крючке. До нас снова донесся едва слышный звук, затем слабое звяканье – дверь отъехала в сторону, и из лифта вышла женщина. Она оказалась лицом к миссис Перес, спиной ко мне.

– Слава богу! – воскликнула незнакомка. – Это вы. Я так и думала.

– Мы вас не знаем, – ответила миссис Перес.

А вот я знал. Сделав шаг вперед, я взгляделся в изящный профиль незнакомки. Передо мной была Мег Дункан, блиставшая в постановке «Задняя дверь в рай». Буквально на прошлой неделе я имел удовольствие любоваться ею со своего места в пятом ряду у прохода.

Глава 4

Если выбирать в противники или мужчину вашего размера, или женщину, едва достающую вам до подбородка, то я не раздумывая отдам предпочтение мужчине. Невооруженный мужчина в лучшем случае уложит вас на пол, но одному Богу известно, на что способна разъяренная женщина. Более того, вероятно, вы сами уложите мужчину одним ударом, но явно не сможете справиться с женщиной. Мег Дункан набросилась на меня, совсем как десять тысяч лет назад пещерная женщина набрасывалась на пещерного мужчину: она попыталась вцепиться в меня ногтями и широко разинула рот, собираясь укусить. У меня было лишь два варианта: или применить захват, или отойти на безопасное расстояние. Я выбрал первое. Стараясь увернуться от острых ногтей, я стиснул ее обеими руками, так что ей стало трудно дышать. Она снова открыла рот, но не для того, чтобы вонзить в меня зубы, а чтобы сделать глоток воздуха. Тогда я зашел сзади и завел ей руки за спину. В таком положении я рисковал лишь получить пинок в голень. Она тяжело дышала. Должно быть, я травмировал ее правое запястье рукояткой своего револьвера, которая впивалась ей в плоть. Когда я убрал руку, чтобы положить револьвер в карман, женщина даже не шелохнулась, и тогда я, отступив на шаг, сказал:

– Я знаю, кто вы такая. На прошлой неделе я видел шоу

с вашим участием. Вы были великолепны. Я не коп, а частный детектив. Работаю на Ниро Вулфа. Когда придете в себя, расскажете, зачем вы здесь.

Она медленно, очень медленно повернулась ко мне, что заняло у нее не меньше пяти секунд.

– Вы сделали мне больно, – сказала она.

– Не ждите от меня извинений. Небольшой синяк на руке – это ерунда по сравнению с тем, что было у вас на уме.

Она потеряла руку, наклонила голову и устремила на меня долгий взгляд, все так же тяжело дыша ртом. Я даже немного удивился, что узнал ее. На сцене она казалась красавицей, а сейчас превратилась в заурядную тридцатилетнюю дамочку с приятным лицом, в простеньком сером костюме, в простенькой шляпке, хотя, конечно, следовало сделать скидку на то, что женщина эта находилась на грани нервного срыва.

– Так, значит, вы Арчи Гудвин Ниро Вулфа?

– Я свой собственный Арчи Гудвин. Личный помощник Ниро Вулфа.

– Наслышана о вас. – Теперь она уже дышала носом. – Я знаю, вы джентльмен. – Она тронула меня за рукав. – Я пришла сюда забрать принадлежащую мне вещицу. Я возьму ее и уйду. Хорошо?

– А что это за вещица?

– Там мои инициалы... Портсигар.

– Как он здесь оказался?

Она попыталась улыбнуться – именно так настоящая леди

улыбается настоящему джентльмену, – но попытка не удалась. От известной актрисы, даже на грани нервного срыва, я ожидал большего.

– Мистер Гудвин, какое это имеет значение? Портсигар мой. Могу его описать. Из темного золота, с изумрудом в одном углу и моими инициалами – в другом.

Я улыбнулся, как настоящий джентльмен – настоящей леди:

– А когда вы его здесь оставили?

– Я не говорила, что оставила его.

– В воскресенье вечером?

– Нет, в воскресенье вечером меня здесь не было.

– Это вы убили Йегера?

Она влепила мне пощечину. Скорее, попыталась вlepить. Действительно, крайне импульсивная дамочка. И очень скорая на руку, но у меня отличная реакция. Я поймал ее за запястье, слегка вывернув его, не слишком больно, и сразу отпустил. Ее глаза яростно сверкали, и теперь она больше походила на настоящую Мег Дункан.

– Мужчина вы или нет? – спросила она.

– Зависит от обстоятельств. Прямо сейчас я детектив, расследующий убийство. Это вы убили Йегера?

– Нет. Ну конечно же нет. – Она снова подняла руку, но на сей раз, чтобы тронуть меня за рукав. – Позвольте мне забрать свой портсигар, и я уйду.

– Придется вам какое-то время обойтись без него. – Я по-

качал головой. – Вам известно, кто убил Йегера?

– Ну конечно же нет. – Она сжала мне руку, но не вцепилась в нее мертвой хваткой, а едва касаясь. – Мистер Гудвин, конечно, мне не удастся вас подкупить. Я знаю о вас достаточно, чтобы это понять. Но детективы ведь работают на других? И я могу заплатить вам, чтобы вы кое-что для меня сделали. Почему бы и нет? Если вы не позволяете мне забрать свой портсигар, то можете сами забрать его и подержать пока у себя. А позже, когда сочтете нужным, отдадите его мне. И совершенно не важно, как долго он будет у вас. Я готова заплатить, сколько скажете. Тысячу долларов?

Жизнь явно налаживалась, хотя все чуть-чуть усложнялось. Вчера в половине пятого вечера у нас вообще не было и не предвиделось ни одного клиента. Затем появился первый клиент, но он оказался не настоящим. Затем миссис Перес посулила мне стошку, а может, и больше. И вот теперь новая клиентка обещает отвалить целую штуку баксов. Клиентов много не бывает, и все-таки иногда лучше меньше, да лучше.

Я задумчиво посмотрел на Мег Дункан:

– Может, все и получится. Но тут вот какое дело. Я не могу принять ваше предложение, поскольку работаю на Ниро Вулфа. Именно он решает, за какую работу нам браться. Я собираюсь обыскать это место. И когда отыщу ваш портсигар, а я непременно его отыщу, если он здесь, то заберу его. Отдайте мне ваши ключи от лифта и входной двери.

Мег Дункан разжала пальцы:

– Отдать их вам?

– Вот именно. Вам они больше не понадобятся. – Я посмотрел на часы. – Сейчас десять тридцать пять. Сегодня у вас нет утренних спектаклей. Приходите к Ниро Вулфу в четырнадцать тридцать. Западная Тридцать пятая улица, дом шестьсот восемнадцать. Ваш портсигар будет вас ждать, и вы сможете все уладить с мистером Вулфом.

– Но почему вы не можете...

– Нет. Только так или никак, а сейчас меня ждет работа. – Я протянул руку. – Ключи.

– Но почему я не могу...

– Я сказал «нет». Вопрос закрыт и обсуждению не подлежит. Как-никак вы уже получили от меня передышку, черт побери! Ключи!

Пошарив в сумочке, она вытащила кожаный футляр для ключей и протянула мне. Я снял ключи с кольца, нашел два нестандартных от замка Рабсона и спросил Переса, действительно ли это ключи от входной двери и лифта. Получив от него подтверждение, я убрал ключи в карман, нажал на кнопку лифта и сказал Мег Дункан:

– Увидимся позже. В половине третьего.

– Но почему мне нельзя остаться, пока вы не найдете...

– Ничего не выйдет. Я буду слишком занят, и компания мне не нужна.

Она вошла в лифт, дверь закрылась, что-то звякнуло и едва слышно заскрипело. Я повернулся к Пересу:

– Вы никогда ее раньше не видели?

– Нет. Никогда.

– Ой ли? Ну а когда вы поднимались сюда в полночь с продуктами?

– Я видел только его. Может, она была в ванной.

– А где здесь ванная?

– В самом конце. – Перес ткнул пальцем вглубь комнаты.

Я взялся за жену Переса:

– Когда она вас заметила, то сказала: «Слава богу! Это вы».

– Да, я слышала. Наверное, она меня здесь когда-нибудь и видела. В коридоре или через открытую дверь. Мы ее не знаем. В глаза не видели.

– Смотрю, вы вообще ничего не знаете. Ну да ладно, на сегодня достаточно. Мы можем до бесконечности переливать из пустого в порожнее, а время не ждет. Мне пора приступить к работе. И все же последний вопрос. – Я повернулся к Пересу. – Когда вы сбросили тело в яму, зачем вы спустились вниз и накрыли его брезентом?

Перес явно удивился:

– Но он же был мертвый! Если человек мертвый, его нужно чем-то накрыть! Я знал, что в яме был брезент. Я его видел.

Именно в этот момент я понял, что Сесар Перес не убивал Томаса Г. Йегера. Возможно, это сделала его жена, но только не он. Если бы вы видели лицо Переса, когда он это говорил,

то пришли бы к такому же выводу. Когда я пытался понять, почему труп был накрыт брезентом, то упустил из виду самое простое объяснение: с древних времен люди накрывали своих мертвых, чтобы уберечь от стервятников, и это вошло в обычай.

– Весьма достойный поступок, – сказал я. – Жаль только, что вы не надели перчатки. Ну ладно, на этом пока все. Мне нужно работать. Вы слышали, как я называл этой женщине адрес Ниро Вулфа: Западная Тридцать пятая улица, дом шестьсот восемнадцать. Приходите оба сегодня в шесть вечера. Да, я пока ваш детектив, но все решает Вулф. Вы определенно нуждаетесь в помощи, и, когда расскажете ему свою историю, мы подумаем, что можно для вас сделать. Где ключи Йегера? Только не вздумайте говорить: «Мы не знаем». Вы сами сказали, что взяли ключи. Так где они?

– В надежном месте, – ответила миссис Перес.

– Где именно?

– В пироге. Я испекла пирог и положила внутрь ключи.

Там в связке их двенадцать.

– В том числе ключи от входной двери и лифта?

– Да.

Я задумался. Собственно, я и так шел по тонкому льду, а если возьму себе что-то, что было на теле покойного, от обвинения в сокрытии улик меня уже ничего не спасет. Нет, это никуда не годится.

– Не вздумайте резать пирог, – сказал я. – И другим не

давайте. Вы сегодня куда-нибудь собираетесь? Кто-либо из вас?

– Нам без надобности, – ответила миссис Перес.

– Вот и хорошо. Сидите дома. Жду вас у Ниро Вулфа в шесть. Впрочем, мы еще увидимся, когда я закончу и спущусь к вам. Скорее всего, через час или два.

– Вы что-нибудь оттуда возьмете?

– Не знаю. А если и возьму, то сперва все покажу вам, включая портсигар. Если я прихвачу что-нибудь такое, чего, по-вашему, мне не следует брать, можете позвать сюда копа. Того, что дежурит на улице.

– Мы не можем, – покачал головой Перес.

– Он шутит, – объяснила миссис Перес, нажимая на кнопку вызова лифта. – Сесар, сегодня плохой день. Впереди еще много плохих дней, и он шутит.

Лифт звякнул, она нажала на другую кнопку, дверь открылась, они вошли в кабину лифта, и дверь закрылась.

Я обвел глазами помещение. На краю обитой красным шелком панели слева от меня находилась прямоугольная латунная, а может, и золотая пластинка. Я нажал на пластинку, и она поддалась. Панель оказалась дверью. Легонько толкнув ее, я очутился на кухне. Стены были облицованы красным кафелем, шкафы и полки отделаны желтым пластиком, а раковина, кухонные принадлежности, включая холодильник и электрическую духовку, – из нержавеющей стали. В холодильнике я обнаружил набор самых разнообразных продук-

тов. Отодвинув дверцу кухонного шкафа, я увидел на пластиковой подставке девять бутылок шампанского «Дом Периньон». На этом осмотр кухни можно было закончить. Вернувшись в комнату, я прошел – в окружении шелка и кожи – по желтому ковру в другой конец комнаты, где обнаружил на краю шелковой панели другую латунную, а может и золотую, пластинку, нажал на нее, толкнул панель и попал в ванную комнату. О вкусах, конечно, не спорят, но мне понравилось. Сплошь зеркала и мрамор – красный мрамор с желтыми прожилками. Ванна, рассчитанная на двоих, также мраморная. За зеркальными дверцами двух шкафов хранились обширные запасы косметики, которой хватило бы на целый гарем.

Я вернулся в царство шелка и кожи. Нигде никаких ящиков, ни единого предмета мебелировки, где мог лежать хотя бы клочок бумаги с какими-то записями. На столике не было ничего, кроме телефонного аппарата, естественно желтого цвета, и телефонного справочника в красной кожаной обложке. Тридцатифутовая стена напротив кровати тоже ничем не заставлена, однако вдоль нижней части тянулась шелковая драпировка шириной три фута, в отличие от остальной шелковой отделки падающая мягкими складками, как на портьерах. Я потянул за край драпировки, она раздвинулась, и перед моим взором предстали ряды выдвижных ящиков из какого-то дерева, похожего на красное, но более насыщенного цвета. Я выдвинул один из ящиков. Женские шлепанцы, не меньше дюжины, в два ряда, различных цветов, фасонов

и размеров – от самых маленьких до довольно больших.

Проверив еще пять ящиков, я направился к телефону. Я увидел достаточно, чтобы понять главное: Мег Дункан не единственная обладательница ключей от входной двери и лифта. Я обнаружил еще один ящик с тапочками, опять же разных цветов и размеров, и два ящика ночных сорочек. Это производило сильное впечатление. Разложив на кровати для сравнения восемь ночнушек, я понял, что они также представлены в самом широком диапазоне размеров, после чего пошел к телефону и набрал номер. Если и был определенный риск, что телефон прослушивался или имел параллельную линию, то весьма незначительный, и я выбрал наименьшее из зол, поскольку звонить из телефонной будки на улице мне казалось еще рискованнее.

Сол Пензер, чей номер я прямо сейчас набрал, был фрилансером, к услугам которого мы прибегали только тогда, когда нам требовался не просто оперативник, а лучший из лучших. Но мне ответила лишь девушка из телефонной службы, заявившая, что мистера Пензера нет дома и неизвестно, когда он вернется, но я могу оставить для него сообщение. Отказавшись, я набрал другой номер, Фреда Даркина, занимавшего второе место в рейтинге оперативников, и, к счастью, Фред сам взял трубку. Он сказал, что никаких дел на сегодня у него нет.

– Теперь есть, – заявил я. – Собери сумку на неделю. Скорее всего, ты освободишься раньше, но чем черт не шутит!

Приходи в чем есть, парадный костюм не обязателен, но на всякий пожарный прихвати с собой ствол. Он тебе навряд ли понадобится, но оружие лишним не бывает. Приезжай на Западную Восемьдесят вторую улицу, дом сто пятьдесят шесть, вход с цокольного этажа, там, где управляющий, и позвони в дверь. Тебе откроет мужчина, хотя, возможно, и женщина. Они то ли кубинцы, то ли пуэрториканцы. Точно не знаю. Но говорят по-английски. Назови ему или ей свое имя, сообщи, что ты ко мне, и будешь иметь удовольствие меня лицезреть. Можешь не торопиться. У тебя целых три минуты на сборы.

– Восемьдесят вторая улица, – повторил Фред. – Убийство. Как бишь его зовут? Йегер.

– Ты слишком много читаешь, наслаждаешься всякими ужасами и делаешь скоропалительные выводы.

Складывать воздушные ночнушки отнюдь не мужская работа и отнимает кучу времени, но я, стиснув зубы, справился с задачей, ибо детектив всегда должен оставлять место осмотра в первоизданном виде. Уложив это добро обратно в ящик, я вызвал лифт, спустился на нижний этаж и подошел к открытой двери слева по коридору. Семейство Перес проводило совещание на кухне. Мать и отец сидели, Мария стояла. В кухне было светлее, чем в коридоре, а истинный бриллиант при свете сияет ярче. Глядя на Марию, любой мужчина из плоти и крови невольно думает: «Какого черта! Я могу сам мыть посуду и штопать носки. Бежевая ночнушка с кружевным верхом среднего размера сидела бы на ней иде-

ально». С трудом оторвав от Марии взгляд, я перевел глаза на ее родителей:

– Скоро придет один человек. Высокий и довольно упитанный. Он назовет свое имя. Фред Даркин. Спросит меня. Пошлите его наверх.

Реакция миссис Перес оказалась вполне предсказуемой. Я не имел права рассказывать об этом месте, они ведь собирались мне заплатить и так далее и тому подобное. В результате, чтобы остаться в хороших отношениях с клиентами, пришлось битых четыре минуты объяснять, почему, когда я отсюда уйду, мне придется оставить там Фреда. Успокоив миссис Перес, я позволил себе бросить еще один взгляд на Марию, после чего поднялся на лифте обратно и продолжил осмотр ящиков. Не буду тратить время на перечисление того, что я обнаружил. Короче, там было все, что может понадобиться клиентам подобного рода заведения. Упомяну только две детали: во-первых, я нашел только один ящик с мужскими принадлежностями, причем все шесть пар пижам оказались одного размера; во-вторых, ящик, в котором я отыскал портсигар Мег Дункан, очевидно, предназначался для всякой всячины. Три женских использованных носовых платка, компактная пудра, женский зонтик, спички из паба «У Терри» и прочая дребедень. Не успел я положить вещи обратно, как послышалось едва уловимое звяканье поднимающегося лифта.

Скорее всего, это был Фред. Ну а что, если нет? Я выта-

шил револьвер и вжался в стену возле двери лифта. До меня не донеслось ни звука. Звукоизоляция тут была настолько хорошей, что я абсолютно ничего не слышал, если только слабый гул транспорта за окном, причем даже не слышал, а скорее чувствовал. Но вот лифт снова звякнул, дверь открылась, и появился Фред. Он остановился, изумленно покрутил головой и, заметив меня, воскликнул:

– Господи И-и-исусе!

– Твой новый дом, – торжественно произнес я. – Надеюсь, тебе будет здесь хорошо. Смотри на картинки и выбери любую дамочку, какая понравится. Совсем как в «Маунтин рум» в отеле «Черчилль», где ты выбираешь себе на ланч живую форель. Настоятельно рекомендую ту, что сидит на розовом кусте. Если уж она не боится шипов, то и с тобой как-нибудь поладит.

Фред поставил сумку на пол:

– А я-то все гадал, почему ты так и не женился. И давно у тебя это заведение?

– Ой, думаю, лет десять, не меньше. У меня их много по всему городу. Уступаю тебе это на время. Кухня, ванная, телевизор, обслуживание номеров. Ну как, подходит?

– Господи Иисусе! Я женатый человек.

– Угу. Да уж, мои соболезнования. Я бы с удовольствием объяснил тебе, кто это там на картинках, но мне пора бежать. Короче, дело обстоит так. Нужно подежурить здесь, чтобы, когда придет посетительница, ее принять. Не исключено, что

это будет он, но, скорее всего, – она. Впрочем, скорее всего, сюда вообще никто не придет, хотя это еще не факт. Она может явиться в любое время дня и ночи. В общем, примерно так. Ладно, меньше знаешь, крепче спишь. Просто возьми себе на заметку, что, когда она выйдет из лифта, ты ее обратно туда не пускай, а другого выхода отсюда нет. Хочешь, представляйся, хочешь – нет. Как тебе будет угодно. Позвони мне, и я сразу приеду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.